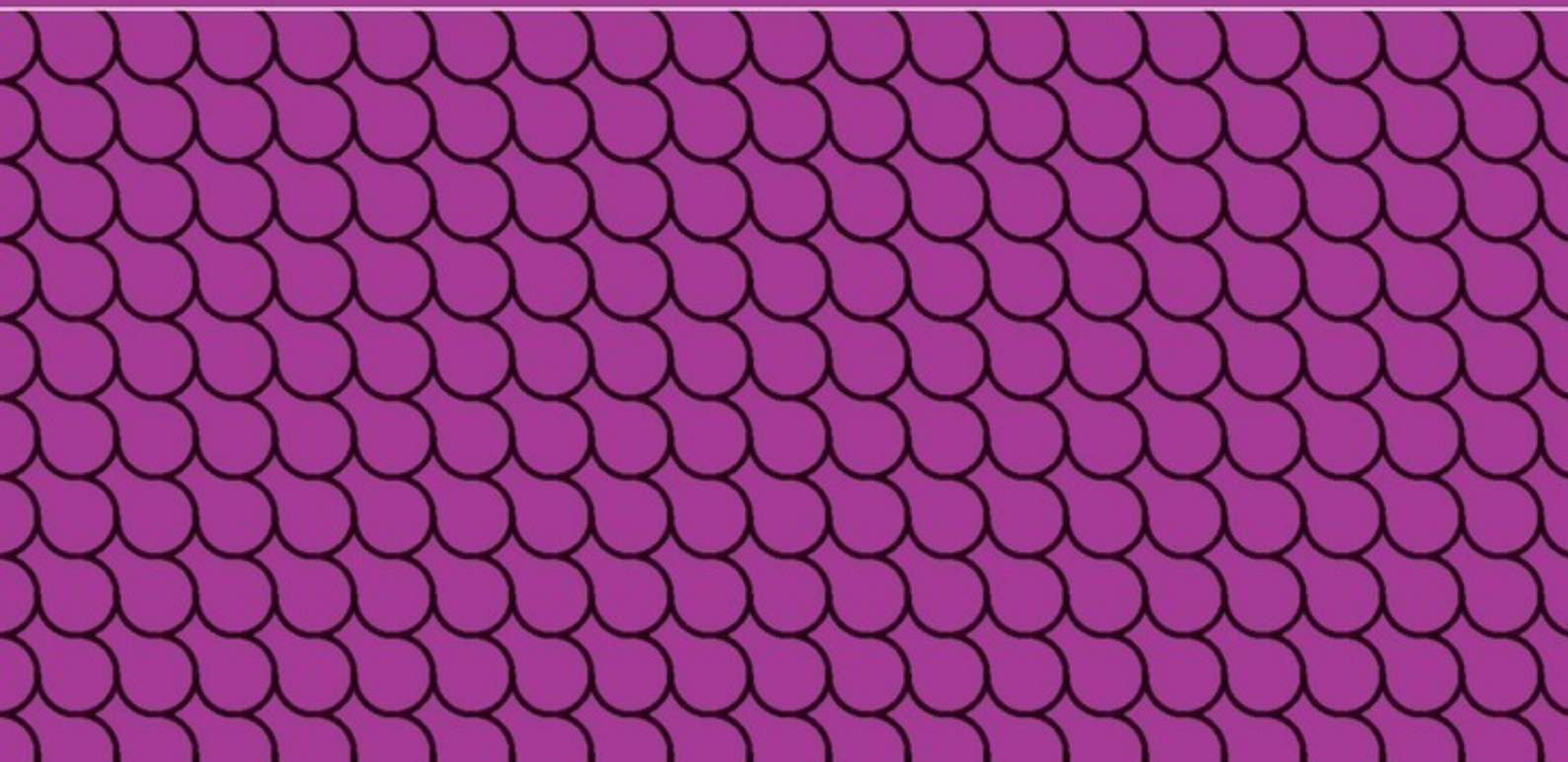

Гульфия Лебедева

*Поездка в
Армению, или
Менталитет
кавказских мужчин*

Рассказы

Гульфия Лебедева

**Поездка в Армению, или
Менталитет кавказских
мужчин. Рассказы**

«Издательские решения»

Лебедева Г.

Поездка в Армению, или Менталитет кавказских мужчин. Рассказы
/ Г. Лебедева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833742-0

Лина приезжает в Армению по служебным делам. В процессе общения между ней и сотрудником ереванского управления по имени Сурен возникают взаимные чувства. Но командировка заканчивается, а это значит, что им придется расстаться. Она уезжает, увозя грусть и печаль. И еще кое-что, о чем она пока не знает...

ISBN 978-5-44-833742-0

© Лебедева Г.
© Издательские решения

Содержание

Поездка в Армению, или Менталитет кавказских мужчин	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Поездка в Армению, или
Менталитет кавказских мужчин
Рассказы
Гульфия Лебедева**

© Гульфия Лебедева, 2016

ISBN 978-5-4483-3742-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поездка в Армению, или Менталитет кавказских мужчин

Вторая половина марта.

Рейс Москва-Ереван

Говорливые, эмоциональные пассажиры, словно стая ворон. То и дело слышалось «дэвушка, вам помочь...», «дэвушка, как тэба зовут...». Ох уж эти кавказские мужчины – любители поухаживать!

Наконец самолет приземлился в аэропорту столицы Армении. Пассажиры не спеша продвигались к выходу. Мужчины выразительно поглядывали на Лину. Кто-то предлагал подвезти, кто-то приютить, кто-то показать город.

Не удостоив никого своим вниманием, Лина спокойно спустилась по трапу самолета и зашла в автобус.

Вспомнилась давняя история. Несколько лет назад она отдыхала по туристической путевке в Армавире, большую часть населения которого составляли армяне.

Не зная менталитета армянских мужчин, девятнадцатилетняя Линка общалась со всеми очень приветливо, на равных. Однако, открытость в общении, что называется, вышла ей боком. Ей пришлось держать оборону своего номера в гостинице. Назойливые армяне стучали в двери и даже лезли на балкон третьего этажа. Отдых превратился в кошмар. Не выдержав такого натиска, она раньше времени уехала с другой группой в следующий пункт туристического маршрута – Адлер. Из этого печального опыта общения она вынесла, что лучше прикинуться глухонемой.

– Дэвушка, почему нэ отвечаеш? Нэ уважаеш арман? – довольно симпатичный мужчина среднего возраста вопросительно смотрел на нее.

– Нет... люблю... очень... – отчеканив каждое слово, уставилась на него тяжелым взглядом Лина.

Этот взгляд в наследство достался ей от отца.

Когда отец был недоволен действиями Лины, ей достаточно было одного его взгляда, чтобы понять, что она что-то не то или не так сделала.

Мужчина, хоть и армянин, оказался понятливым. Не выдержав ее взгляда, отвернулся.

Тем временем автобус уже подъезжал к аэропорту. Аэропорт Еревана в корне отличался от большинства типичных аэропортов советского времени. У Лины было ощущение, что она прилетела в какую-то европейскую страну.

– Лына Геннадэвна...

Она повернулась на голос, и увидела коллегу из силовых структур Армении, с которым она познакомилась в Иркутском управлении. Сос Грачики махал ей рукой и приветливо улыбался. Когда Лина впервые услышала его имя, подумала, что шутит. Ан нет! «Спасите наши души», действительно воплотилось в имя. Отчество Грачики казалось не менее странным. Но да ладно, что есть, то есть.

– Дабро пожаловат на арманскую зэмлю!

– Спасибо, Сос! А я переживала, кто меня встретит, – улыбнулась Лина в ответ, – одной в вашем городе небезопасно.

– Обижаэш. Уважаемую гостью да нэ встрэтит. Арманэ лубят бландынок. Поэтому мы тэба обэзопасыли, выдэлили тэбэ сопровождающэго, Амо называеца. Завтра с утра он в тваем распаражени.

– Благодарю. Какой у нас завтра план?

Сос взял Лину под ручку, передав ее сумку подошедшему водителю, и повел к выходу:

– Зачэм о деле да? Сэгодня надо отдыхат. Такой палет сдэлала, – поднял он указательный палец вверх, – Гдэ Ыркутск, гдэ Эреван. Сэйчас посэлю тэбя в гостиницэ. Оставлу на час, чтобы приняла душ-муш, потом приэду и поэдэм ужинат. Наши рэбята из отдэла ждуд.

– Хорошо, – согласилась Лина.

Она очень устала и разница во времени давала о себе знать, но сопротивляться не стала, понимая, что отказ может задеть их национальную гордость.

Ее поселили в одноместном номере на десятом этаже гостиницы «Ани». Сос Грачики предупредил дежурную по этажу:

– Это наша гостья. Сматры, щтоб ныкто ее нэ обидэл.

– Канищно, Сос Грачики, о чем разговор... – с готовностью ответила полноватая темно-волосая женщина и заверила, – буду сматрэт, как за своэй дочэрю.

Сос Грачики ушел.

Лина разделась, прошла в душ. Она стояла под струей воды с удовольствием ощущая, как прохладные капли барабанят по ее коже, унося усталость и возвращая бодрость. Затем быстренько привела себя с порядок. Надела голубые джинсы, майку. Накинув легкую куртку, вышла на балкон покурить. Уже смеркалось, но воздух хранил тепло уходящего дня.

Наслаждаясь теплым дуновеньем ветра, она не придавала значения шуму, исходящему из холла. Разговоры стихли и раздался стук в дверь ее номера:

– Лына-джан, открой. Эта дэжурная, – послышался голос за дверью.

Лина не успела открыть, как дежурная молниеносно влетела в номер, подскочила к балконной двери и начала ее закрывать.

– Что случилось? – недоуменно спросила Лина.

– Лына-джан, я тэбя очень пращю, нэ выходы на балкон. Мущины снизу увидэли, что бландынка стаит адна и пришли тэбя искат.

– Это невозможно! Это десятый этаж! – воскликнула Лина.

– Лына-джан, пращу нэ выходы, – настаивала дежурная, – Наши арманские мущины гла-застые. Прышли, гаварат, гдэ живот дэвушка бландынка в голубых джинсах. Нэт такой, говору им. Еле их атправила. Сос Грачики потом мнэ голову атарвет за тэбя.

– Ну раз так, не буду. Не переживайте, не оторвет, – все еще удивляясь, произнесла Лина. Вот так начало! И здесь, видимо, придется оборону держать, подумала она.

В этот момент зашел Сос Грачики. Дежурная пожаловалась, подробно рассказав ему о визите непрошенных гостей. Сос Грачики немного подумав, сказал:

– Пазвани в рэсторан и скажи, щтобы завтра утром завтрак ей привэзли в номэр. А потом я заэду, забэру ее в атдэл.

– Не надо. Если уж такие сложности, я могу и без завтрака, – встревожилась Лина.

– Кушать нада. Щто патом скажут наши каллэги из Ыркутска? Што мы тэбя нэ кормили? И дажэ нэ думай.

Да уж, подумала Лина, железная логика. Для армян очень важно мнение других. Не дай Господь обвинят в отсутствии гостеприимства.

Ужинали в ресторане. Сотрудники отдела оказались очень приятными собеседниками. Окружив Лину вниманием, наперебой ухаживали, подкладывая куски мяса и подливая вино. Лина чувствовала себя королевой. Она даже забыла, что находится в служебной командировке. Шашлык из свиной костицы источал аромат приправ и буквально таял во рту. Изобилие свежих и испечённых овощей с запахом дымка, огромные пучки кинзы, петрушки, базилика и искрящееся красное сухое вино. Как же хорошо, думала Лина. Говорили обо всем, но только не о деле.

Сос Грачики перед рестораном предупредил Лину, что когда они выпивают, о деле не говорят. Лина сразу вспомнила, если мужики начали говорить о службе, значит напировались.

– Последний тост у армян принято пить за родителей. Знаешь, почему? – спросил приятный молодой сотрудник по имени Сурен. Он отличался от остальных сотрудников светлыми с рыжинкой, словно блики солнца, волосами и глазами цвета ясного неба.

– Нет, – ответила Лина.

– Потому, что армянин не должен напиваться и обязательно должен поднять бокал за родителей, – многозначительно без акцента произнес он.

– Наверное, это правильно, – размышляла вслух Лина, – даже очень правильно. Нет шансов напироваться или все таки бывает?

– Канищно бывает, арман тоже луди. Бывают стрэссы, но эта асуждаеца всеми... родственниками, друзьями, – растягивая слова, вступил в разговор, высокий с расплющенным по лицу носом, Амо.

– Можно я выпью сейчас за родителей? – спросила Лина

– Устала, Лына-джан? – заботливо спросил, сидящий рядом, с солидным животиком, начальник отдела.

– Не то, чтобы устала, но разница во времени. Боюсь, могу уснуть прямо здесь.

– Нэ пэрэживай, атнэсем, уложим.

– Спасибо, конечно. Но я привыкла сама.

– Какой плахой эта русский женщина! Очэн самостоятельный. Нэ обижайся, шутка. Да ты и нэ русский, – улыбнулся начальник, – но жэланье гостыи дла нас закон.

Все подняли бокалы с вином:

– За родителей! В сэьме должны быт все живы: радитэли, дэти, внуки, – протяжно начал начальник, – А если павэзет, и дэдушка, бабушка.

– За родителей! – Лина осушила бокал вина, чуть с горчинкой, но очень приятного на вкус.

– Амо, атвэзи Лына-джан, – властно приказал начальник.

– Можно, я отвезу, – поспешно выпалил Сурен и тут же добавил, глядя на начальника, – с вашего позволения.

– Давай, Сурэн-джан, сэгодня ты. Амо завтра, патом Сос, так и будэм мэняться, – засмеялся, глядя на Сурэна, начальник.

– И сматри там, до номэра правады абьязатэльно, – добавил Сос Грачики.

– До номэра, а нэ в номер, – назидательно сказал шеф.

– Ты же меня знаешь, – начал Сурен, но начальник его перебил:

– Я вижу, што стрэла Амуре сэделал дырку в твае сэрдцэ. Вот паэтому и гавару.

У них очень простые отношения между начальником и подчиненными, никакой субординации, солдафонства и прочей ерунды. Все построено на уважении. Они все, как одна семья, немного с завистью думала Лина, глядя на сотрудников отдела во главе с начальником.

Всю дорогу до гостиницы Сурен расспрашивал Лину о ее жизни, казалось его интересовало все. Счастлива ли она, довольна ли работой. Лина не любила рассказывать о себе, но вкратце все-таки пришлось рассказать. Он притормозил возле цветочного ларька, купил огромный букет желтых роз и преподнес ей со словами:

– Говорят, что желтый цвет, цвет разлуки. Но это цвет солнца, тепла и золота. Пусть в твоей жизни будет как можно больше солнечных дней, золотых украшений и душевного тепла твоих друзей и близких.

Лина обожала желтые розы. И не только розы. Желтый цвет во всех его проявлениях пленил ее. Она была тронута до глубины души прозорливостью Сурена.

Внутри ее зажглась сигнальная лампа «опасность». Но тут же погасла. Он проводил ее до двери номера, нежно прикоснулся к руке, прощаясь. Лина вошла в номер и закрыла дверь изнутри. Сейчас она ощущала себя женщиной, напрочь забыв о командировке, о службе и о муже. Немного внимания, комплиментов, букет цветов. Не так много надо, чтобы вспомнить о том, что ты женщина. И так не хватает этого «немного» в семейной жизни.

Раздумывая над этим и вспоминая приятный вечер, она уснула.

Утром ее разбудил стук в двери:

– Лына-джан, вставай. Ужэ сэм часов. Чэрэз тридцать минут завтрак привэзут, – прокричала через дверь заботливая дежурная.

– Спасибо, – крикнула Лина в ответ.

Бодренько вскочила и сразу в душ. Уложила волосы феном, навела чуть заметный макияж. Лина считала, что все женщины красивы, но надо эту красоту немного подчеркнуть. И еще она думала, что не «рисуют» свое лицо только ленивые или уверенные в своей красоте. У нее такой уверенности не было и ленивой она тоже не была. Поэтому каждое утро, натренированными годами движениями, она доводила до ума то, что не додала ей природа. Через полчаса из-за двери раздался голос «Ваш завтрак».

Лина открыла дверь. Официант вкатил в номер тележку, на которой стоял кофейник, бутерброды с сыром и стакан апельсинового сока. Как ни странно, при виде всего этого она ощутила голод. Как правило, ее завтрак состоял из чашки кофе и сигареты. Вредный, надо сказать, завтрак. Сейчас она с удовольствием выпила сок и съела бутерброды. Затем налила себе кофе и закурила, уже не выходя на балкон, а просто приоткрыв двери.

В восемь тридцать в дверь постучали. Линка распахнула дверь, ожидая увидеть Амо, но за дверью стоял Сурен. От неожиданности Лина не знала, что сказать. Воспользовавшись ее замешательством, он быстро наклонился и поцеловал ее в губы.

– Вот теперь можно ехать, – улыбаясь, сказал он.

– Да, да, – смущенно произнесла Лина.

Строгий деловой костюм придавал ей официальный вид, но блуждающая, блаженная улыбка на губах придавала нелепость этому наряду. Когда они вошли в лифт, Сурен приобнял ее. Лина испытала смятение в душе. Только сегодня утром она убеждала себя выбросить всю блажь из головы и, как ей казалось, она справилась с этим. Но близость Сурена, заставила трепетать ее сердечко.

– Я не спал всю ночь, думал о тебе. Я не мог дождаться, когда я снова увижу тебя. Не знаю, что будет дальше, но мне кажется я полюбил с первого взгляда. Я знаю, ты скажешь, что у меня

есть семья, жена и дочь. У тебя тоже дочь и муж. Но, когда я думаю о твоём муже, я ревную тебя. Наверное, я схожу с ума, – с волнением в голосе произнес он.

– Почему не приехал Амо? – хотела сменить тему Лина.

– Я с ним договорился. Он очень ругался, потому что я разбудил его в шесть утра, – улыбнулся Сурен и вернулся к начатой теме, – Что ты чувствуешь?

– Я не хочу говорить на эту тему. Извини.

В этот момент лифт остановился на первом этаже, створки дверей распахнулись, но они стояли и смотрели друг на друга. А снаружи на них смотрели ожидающие лифт люди.

– Слушай, брат, давай ужé выходы да, люди ждут, – раздался голос.

Они вышли, а вслед им тот же голос произнес «балшая лубоф-моркоф случаэца толка мэжду армэнином и бландынкой».

До отдела они не проронили ни слова. Каждый думал о своём. Лина пыталась сосредоточиться на работе, но её мозг отказывался ей подчиняться. Её мысли все время возвращались к Сурену. Какой ужас, испуганно думала она.

Но уже в кабинете начальника, она собралась с мыслями и с головой ушла в решение служебных проблем. Просоветовавшись до обеда, они все друженько, по команде начальника, поехали в ресторан.

Линке казалось, что она жутко проголодалась. Но сев за стол, она поняла, что кусок не полезет ей в горло. Сурен сидел рядом. Выбрав самый красивый и аппетитный кусок мяса, он положил ей в тарелку:

– Надо кушать, милая, – глядя на неё нежно, тихо произнес он.

– Слушай, Лына-джан, может, тэбэ не нравится да? – наблюдая за ними, через стол спросил начальник, – гавары, что хочэш, хочэш долма, хочэш хачапури. Сэйчас сдэлают.

– Нет, нет. Спасибо. Я позавтракала плотно. Вы ешьте, не смотрите на меня.

– А на кто нам сматрэт. Мы все ужé друг другу надаэли. А ты, как цвэток срэди нас. Послэ абэда у тэба свободный врэмя. Пайдеш пагуляэш. Амо тэбэ пакажэт Эрван.

– Я уже начинаю ненавидеть этого Амо, – прошептал Сурен, нащупав Линкину руку под столом, – и обратился к начальнику, – слушай шеф, я не понимаю. Что, кроме Амо, других людей нет город показать.

– Сэгодна Амо, я сказал. А ты в очэрэд становис. Думаэш ты адын такой хытрый-умный. Всэ рады с Лыной-джан погулат. А вэчэром я её забэру домой к сэбэ, гостэм будэт. Жена сациви приготовыт, пасыдым, пагаварым.

– И его уже тоже ненавижу, – опять прошептал Сурен и вслух добавил, – почему меня не приглашаешь? Марго всегда рада меня видеть.

– Если хочэш, прихады... с Сусанной.

– Спасибо, приду, – раздраженно сказал Сурен.

Лина пыталась кушать, но кусок застревал в горле. Сурен взял лаваш, положил на него кусочек брынзы, помидорку, кинзу и завернул:

– Открывай рот, – приказал он Линке.

Линка послушно открыла, откусила кусочек.

– Как вкусно! – разжевав она действительно почувствовала вкус всего одновременно.

– Толка арманин можэт кармит женщину из сваих рук, канищно, лубимую. Из рук лубимого всо бываэт вкусный.

Наступила тишина. Все перестали есть и повернулись в их сторону. Лина покраснела, что называется до корней волос. Резко встала, еле слышно сказала «извините» и направилась

в туалет. Она долго стояла и смотрела на себя в зеркало. Что ты делаешь? Второй день в командировке и такой стыд, казнила она себя. Решительно вышла из и направилась к выходу. Возьму такси и уеду, думала она. Но передумала и направилась в зал. За столом шла оживленная беседа.

– Все хорошо, милая?

– Да, все отлично, – ответила Лина и принялась за еду.

– Маладэс! Покушай харащо, и потом с Амо нагулаэш аппетыт до вэчэра. В васкрэсэнье у нас пасха. Думаю, атвэтствэнным назначить... – начальник обвел всех взглядом, – Суренджан ты арганизуэш нам праздник. Шашлык-машлык.

– Савваттанейм (дорогой, уважаемый), как скажешь, – ответил Сурен.

Вот уже два часа Лина с Амо гуляли по городу. Амо уверенно вел ее по пешеходному переходу на красный свет.

– Амо, красный свет! – предупредила Лина.

– Эй, нэ пэрэживай да. Щто ани нэ видат, что я иду с гостэм.

И действительно, машины остановились и они спокойно перешли дорогу.

Дошли до площади «Конституции».

– Эта балшой паюший фантан. Но он сэйчас нэ поет, умэр. Врэмя сэйчас тяжолое. Видыш, дэрэвья вырублэны. Это луды пэчка дома топат, буржуйка называэтса. Как сто лэт назад, – рассказывал Линкин экскурсовод, – А там много малэньки фантан, булвар называэтса. Знаэш, Эрэван очэн дрэвний город. Пастроэн, как солнцэ с лучами. Самый лучий город на зэмлэ..

– Да, очень красиво. Но если люди и дальше будут вырубать деревья, от бульвара ничего не останется.

– Нэчэго, ешо посадым. Паэхали, я покажу тэбэ Маладожный центр. Там много маладых и красывых дэвушэк и парнэй.

Они подъехали к лестнице, ведущей вверх, где располагался Молодежный центр. Зашли в кафе, выпили по чашечке кофе по-турецки.

– Спасибо, Амо. Прогулка мне очень понравилась. Отвезешь меня в гостиницу?

– Какой такой вопрос! Канишно, атвэзу.

Когда они вышли из центра, навстречу им поднималась, судя по всему, супружеская пара. Колоритный армянин и симпатичная русская женщина с фингалом под глазом..

– Выдыш, это лубоф. Эслы бьет, значит лубит, – сделал заключение Амо.

Ничего себе трактовка любви, улыбнулась своим мыслям Лина. А вслух спросила:

– Любовь по-армянски?

– Арманский лубоф самый сыльный лубоф да, – заявил Амошка.

Любовь через унижение, подумала Лина.

Амо выполнил приказ начальника, проводив ее до двери номера. К вечеру зашла дежурная со словами:

– Лина-джан, мнэ тэба так жалка, так жалка. Ты маладая, крассивая, а спыш адын...

Линка рассмеялась. Да уж не понять нам их предубеждений. А дежурная продолжала:

– Вот дэвочки из Масквы сэгодна заэхали, рядом в номэрэ. Они всэгда прыезжают и сразу мушчин находят. Слышыш?

Из соседнего балкона доносились голоса. Девчонки на русском языке переговаривались с мужчинами из номера рядом, через Линкин номер.

- Да, быстрые девочки, – сказала Лина.
- Гарачие такие. Агонь! – восхищенно сказала дежурная и добавила, – Званил начальник, сказал, щтоб я тэба до лыфта правадила. Он внызу ждет.
- Хорошо. Идем.

Самвел Самвелович стоял напротив лифта, беседуя с женщиной с таким же животиком, как у него. Они были похожи на два мячика одного производства.

- Вот и наша красавица! Знакомса, эта мой брат Гамлэт.
- Очень приятно. Лина.
- Вах, вах... – рассматривал Гамлет Лину масляными глазками, – Зачэм скрывал такой красата столько врэмэни?
- Я только вчера прилетела, – сказала Лина
- Сутки прошел, можно был много дэл сдэлат...
- Собэры сваи слуны брат... она наша каллэга из России.
- Каллэга? Нэ вэру. А пачэму в тваем атдэлэ нет жэнцин? Адна старая карга твой сэкр-этар...
- Сам знаэщ, жена рэвнивая, – ответил Самвел Самвелович.

Они вышли из гостиницы и направились к машине. Надо сказать, что автомобиль Волга был престижной машиной в Армении. Особенно черная Волга. Все сотрудники отдела ездили именно на черных Волгах.

Квартира начальника напоминала лабиринт. Входы, ходы, выходы. Лина с любопытством разглядывала стеллаж с книгами во всю стену и не заметила, как рядом оказалась супруга начальника:

- Добро пожаловать в наш дом, меня зовут Маргарет, – со слегка заметным акцентом, приветливо сказала женщина.
- Спасибо. Очень приятно. Меня Лина, – улыбнулась она в ответ.
- Посмотри пока квартиру, не стэсняяся, чувствуй себя как дома. Я уже заканчиваю делать сациви.
- Может, я помогу, – предложила Лина.
- Нет. Зачем? Ты наш гость, располагайся, где тэбе удобно будет, – хозяйка незаметно исчезла, как и появилась. Лина так и не поняла, из какой она двери вышла.
- Нравица наша гнэздо? – подошел Самвел Самвелович.
- Да, как лабиринт.
- Эта эсли мэна придут арэставать, нэ найдут, – пошутил начальник.

Вечер прошел в спокойной, почти семейной обстановке. Все шутили и рассказывали случаи из жизни. Гамлет рассказывал о своем первом опыте посещения Дальнего Востока:

- Когда я пэрвый раз приэжал во Владывосток, молодой был, русский язык знал плохо. В гостиницэ познакомилса с дэвушкой, пригласыл с рэсторан. Покушали, выпили и я гавару «в номэр пора», а она гаварит «я лэсбиянка». Я этого слова не знал. Чэрэз десят минут опят говорю «пошлы в номэр», а она опят «я лэсбиянка». Я говорю «я понял ты Валя Лэсбиянка, а я Гамлэт Саватян». Думал фамилия такая. И толко патом я понял, по ее глазам, что это что-то страшное.

Все присутствующие от этого рассказа покатила со смеху, утирали слезы и не могли остановиться. «Ну, ты брат даеш... фамилия лэсбиянка», «представляю, как ты патом плэ-вался... с лэсбиянкам за одним сталом сидэл, пил, кушал», «какой пазор, ныкому болше нэ рассказывай».

Кое-как успокоившись, подняли бокалы:

– Давай, брат, выпьем, чтобы нам встречались толка нормальные женщины, – произнес Самвел Самвелович.

– Что ты сказал? Павтари... – Маргарет угрожающе посмотрела на мужа.

– Нэт, нэт, не подумай ничэго. Просто так получилось, – оправдывался Самвел Самвелович.

– Смотри мне. Госпитал рядом, – улыбнулась Маргарет, – А я выпью, чтобы моему мужу только лэсбиянки попадались.

Сурен так и не приехал. Лина чувствовала себя спокойно.

Она достала из сумки миниатюру с видом Байкала и преподнесла хозяйке:

– Я знаю, что в Армении, когда приходишь первый раз в дом, принято дарить подарок. Я не умею красиво говорить, но скажу искренне и от души. На этой картине Байкал, самое глубокое озеро в мире, окруженное горами. В нем чистейшая вода. Я хочу, чтобы в вашем доме всегда были чистые и теплые отношения и вы постоянно стремились ввысь, к своему благополучию и легко преодолевали все препятствия на своем пути, – она подняла бокал, – за вашу семью, за благополучие в вашем доме!!!

– Ай, какой малодес! Тэбэ надо в Армэнии жит, очэн хорошо сказала, – восхитился Гамлет.

– Лина-джан, знай, ты всэгда желанный гость в нашем домэ, – сказала Маргарет.

– Да, приезжай в лубое врэмя. Мэсто для тэбя всегда найдеца, – подхватил Самвел Самвелович.

– Спасибо, очень приятно.

– Мы тэбэ тоже подарок пригатовили, когда будэшь уезжат, забереш с собой. Это тоже картына, наш Арарат.

После ужина Гамлет отвез Лину в гостиницу. Они зашли в бар, выпили по чашке ароматного кофе. Гамлет пытался за ней ухаживать и напрашивался в номер, но Линка в вежливой форме отказала. Без сопровождения она поднялась к себе. При виде ее дежурная всплеснула руками:

– Лина-джан, кто отпустил тэбя адну?

– Все нормально, не переживайте.

Лежа в постели она думала о Сурене. Она поймала себя на мысли, что скучает по нему.

Зазвонил телефон.

– Слушаю, – ответила Лина.

– Это я, милая. Я очень скучаю по тебе. Говорить много не могу. Завтра я заеду за тобой в девять, поедем на озеро Севан.

– Но завтра надо появиться в отделе.

– Нет, завтра все готовятся к пасхе, для армян это большой праздник. В отделе никого из ребят не будет. Спокойной ночи, любимая. Целую.

– Целую, – вырвалось у Лины.

Сон мгновенно улетучился. Она открыла балконную дверь и закурила, мечтательно глядя на звезды. Завтра весь день я проведу с ним.

Лина проснулась от телефонного звонка.

– Слушаю, – сонным голосом ответила она.

– Доброе утро, Лына-джан! – сказал в трубку начальник, – Извини, что побэспокоил рано. Старый я чорт. Забыл тэбэ вчэра сказат, што сэгодна выхадной. Спи, сколько хочэш. Сос Грачики пазванит тэбэ позже. Увидымса завтра в цэркви.

– Спасибо, – подтягиваясь произнесла Лина, – до завтра.

Она посмотрела на часы, семь тридцать. Очень хорошо, что позвонил. Вот теперь можно с чистой совестью ехать на озеро. Тут же привезли завтрак. Лина напевала песню Пугачевой «три счастливых дня было у меня, было у меня с тобой. Я их не ждала, я их не звала. Мне они подарены судьбой.». Настроение, в предвкушении встречи с Суреном, было отличное.

Ровно в девять Сурен постучал в двери. Лина, пресекая возможные инсинуации, тут же вышла. В лифте, как и первый раз, Сурен прижал ее к себе «здравствуй, родная», нежно и трепетно прозвучали слова. Он был на голову выше ее. Она уткнулась в его грудь, вдыхая в себя тонкий аромат его парфюма. Как только они выехали из Еревана, справа вдали Лина увидела гору Арарат, величественно возвышающуюся над незначительными облаками.

– Как красиво!

– Да, милая, но ты еще красивее.

– Нет, это не сравнимо. Это создано природой.

– Ты тоже создана природой, ты самое лучшее произведение природы. Ты, как золотой самородок.

– Перестань, милый, – счастливо смеялась Лина.

– Милая моя, скажи еще. Как ты красиво это сказала! Пожалуйста, повтори, – просил Сурен съезжая на обочину.

– Милый, не надо.

Лина недоговорила. Сурен прикоснулся к ее губам. Она замерла. Он поцеловал, она ответила на его поцелуй чувственно. Обвила руками его шею.

– Милая моя, я счастлив сейчас и здесь, рядом с тобою. Я люблю тебя, слышишь.

– Да, милый. И я люблю тебя, хороший мой, любимый мой.

Они вздрогнули от сигнала, проезжающей мимо машины.

– Здесь много глаз. Поехали туда, где их нет или хотя бы меньше, – улыбнулся Сурен и завел машину.

Они проехали красивейший православный монастырь Хор Вирап. Сурен рассказывал, что Хор Вирап напрямую связан с принятием в Армении христианства. Прямая дорога сменилась серпантином и за очередным поворотом, высоко на горе Лина увидела купола церквей.

– Что это?

– Это монастырь Нораванк. Сейчас мы туда поднимется, милая.

Оставив машину на стоянке и взявшись за руки, они пошли осматривать историческую достопримечательность.

Было легко и радостно на душе у Линки. В сувенирной лавке Сурен купил для нее магнитик с изображением монастыря и календарик, где кружочком отметил первый день их знакомства. Они выпили по чашечке кофе с булочкой и поехали дальше. Она слушали армянские песни и восхищалась горными пейзажами. У Лины весь этот горный колорит вызывал невообразимое чувство простора и свободы. Кое-где в горах еще лежал снег.

– А сейчас, милая, мы спустимся вниз и поедем по прямой дороге. Прямо к озеру Севан, там нам сделают хороший шашлык и мы будем есть его и запивать вином прямо в лодке.

– Серьезно в лодке? – недоверчиво спросила Лина.

– Да, милая, это так же серьезно, как я люблю тебя. И еще мы будем целоваться. Да, любимая?

– Да, да, да... Я согласна, милый. – и Лина поцеловала Сурена с щеку..

– Нет, не правильно, – притормозил он, – давай с начала.

Она хотела еще раз поцеловать его в щеку, но он резко повернулся и ее губы оказались в его власти. «Какая же ты у меня сладкая», шептал он осыпая ее лицо, шею, грудь поцелуями. «Не надо, милый», шептала Лина, еще сильнее прижимаясь к нему.

Из оцепенения их вывел опять же сигнал проезжающей машины, из окна которой кто-то весело крикнул «савэт да лубоф».

Вечером, вернувшись с прогулки, Линка чувствовала себя великолепно. Внутреннее ощущения счастья не покидало ее весь день. Я люблю его, прошептала она, засыпая.

– Амо, я не могу поехать с вами. Ты понимаешь, я по рождению мусульманка.

– Тогда мы тэбя продадем азэрам, – весело пошутил Амо.

– Ты можешь серьезно меня выслушать?

– Нэт. Мнэ босс сказал привэзи и я должэн тэбя даставит. А там самы разбырайтэс. И потом, Лына-джан, где ты еще увидиш такую красоту. Эчмиадзин это церков всэх арман. Нэмного расскажу историю. Был такой патрыарх Грыгорий. Он видэл сон, как к нэму пришол Хрыстос и сказал, гдэ должен быт цэрков. Понимаэш да? Сам пришол и сказал, – Амо поднял указательный палец вверх, как бы показывая, что Хрыстос к партиарху Григорию спустился с небес.

– А как переводится Эчмиадзин? – спросила Лина, явно увлекшись рассказом.

– Мэсто, гдэ сошол эдиноражденный, – значительно произнес Амо.

– Интересно, – задумчиво произнесла Лина, – надо изучить историю Армении.

– Я подару тэбэ одна книга, очэн интэрэсный.

– Надеюсь, она на русском языке, – пошутила Лина

– Абижаешь, Лына-джан. Самый што ны на эст русский.

Так за разговорами, Лина с Амо подъехали к Эчмиадзинскому кафедральному собору. При виде огромного скопления людей, Лина встревожилась:

– Слушай, а как мы здесь найдем своих?

– Нэ пэрэживай, всэ нашы на сваем мэстэ, – ответил Амо, лихо припарковав автомобиль там, где казалось припарковаться просто было невозможно.

Лина засмотрелась на великолепие архитектуры собора. Ее взгляд выцепил из толпы знакомую фигуру. В светлом костюме и белой рубашке Сурен выделялся из толпы сотрудников. Затем она заметила Маргарет. Она стояла в кругу женщин и махала ей рукой.

– Знакомься, Лина-джан, – приветливо улыбалась ей Маргарет, – это всэ наши. Это Сусанна, жена Сурена.....

Линку словно окатили холодной водой. Она с трудом выдавила улыбку и пыталась сосредоточиться на приветствии других. Но от неожиданности и, как ей показалось, пытливого взора Сусанны, не смогла запомнить ни одного имени. На помощь пришел Самвел Самвелович:

– Ну, всэ в святыну арманскава народа. Впэрод! – с этими словами он зашагал к собору.

Лина пыталась слабо сопротивляться, говоря, что она не крещенная и мусульманка по рождению. Но ее уже никто не слушал. Они дружно зашли в церковь, и ошеломленная Линка даже не поняла, как в ее руках оказались свечи. По дороге в церковь она выстраивала целую речь, чтобы правильнее объяснить и остаться снаружи. Она считала себя атеисткой и ей ни разу не приходилось быть в божьем храме.

– Лина-джан, у тэбя есть умэршие? – спросила Маргарэт
– Нет, – машинально ответила Лина
– Тогда иди туда, – показала Маргарет рукой в сторону какой-то иконы, – там ставят за здравие.

Лина направилась к иконе. Без единой мысли в голове, она быстро зажигала свечи, втыкая их в песок. От запаха ладана голова немного кружилась и ей хотелось побыстрее выйти на воздух. К тому же весь ее внутренний мир сопротивлялся тому, что происходило с ней. Поставив последнюю свечу, она направилась к выходу. Но Сурен, возникший на ее пути, легонько развернул ее спиной к выходу.

– Милая, из храма выходят лицом к святым, – и слегка придерживав ее за руку, начал движение к выходу спиной.

Она освободила руку и продолжила пятиться к выходу самостоятельно.

Оказавшись на улице, она вздохнула с облегчением.

– Всэ по машинам! – услышала она командный голос начальника отдела.
– Самвел Самвелович, я в гостиницу, – поставила в известность начальника.
– Нэт, нэт и эще раз нэт. Сэгодна вэликий празднык и я нэ пазволу, чтобы ты сьдэл адин, всэми брошэнный.

– Это не удобно, поймите же меня, вы все с семьями, – пыталась убедить его Лина.

– Нэ удобна штаны чрез голова одэват, – пошутил шеф, – и гостиа одного оставлят.

– Хорошо, но я не на долго, – вынуждена была согласиться Лина.

– И правильно, ночеват будэш у себа, это я тэбэ обещаю, – улыбался Самвел Самвелович.

Лина села в машину.

– Амо, а куда мы все едем?

– К Сурику, – просто сказал Амо, – босс его назначил атвэтствэнным за пасху.

О, нет, только не это, про себя взмолилась Лина. Но сопротивляться было уже поздно. Они подъехали к подъезду пятиэтажного дома. За ними одна за другой подъезжали черные Волги, из которых весело выгружались сотрудники отдела с семьями.

– Сурик-джан, жар ужэ гатов, – крикнул мужчина, стоящий возле мангала, установленного прямо во дворе, – давай шашлык-машлык делат.

– Две минуты, – ответил родной голос.

Лина обернулась, чтобы увидеть Сурена, но он уже скрылся в подъезде.

– Прощу, всэ в дом, – приглашала Сусанна.

Маргарет подхватила Лину под руку и повела к подъезду:

– Лина-джан, ты не стесняйся, здэс всэ свои.

Легко сказать, да трудно сделать, думала Лина, заходя в квартиру, где жила семья Сурена.

– Просим всех за стол, – приглашала женщина среднего возраста.

– Знакомься, Лина-джан, это мама Сурена, тетя Лэна, а вот папа его, дядя Самвел, это Армен брат и его жена Гуар, – познакомила Лину Маргарет.

– Очень приятно, – произнесла Лина.

– И нам приятно познакомиться, – на чисто русском ответила за двоих тетя Лена, как бы вскользь взглянув на нее.

Было шумно, все разговаривали одновременно. Лине указали место во главе стола. Дочь Сурена, Нарине, подошла к Лине и начала что-то говорить на армянском языке.

– Прости, милая, я не понимаю, – чувствуя себя виноватой, сказала Лина.

– Ты ей понравилас, – проходя мимо, сказал Самвел Самвелович.

Девочка была одного возраста с дочерью Лины. Золотистые кудри, доставшиеся от папы и большие черные глаза Сусанны, делали девочку похожей на куклу. Лина очень скучала по своей белокурой, кареглазой дочери и сейчас она непроизвольно обняла и нежно прижала к себе девочку. Нарине разглядывала ее, трогая серьги, цепочку, волосы.

- Нарине, тебе нравится тетя? – хитро улыбаясь, спросил Сурен. Девочка кивнула в ответ.
- Она понимает по русский, но говорит на армянском, – пояснил Сурен.
- Здорово, – восхитилась Лина.

За столом говорили на русском, иногда переходя на армянский язык. Много шутили, ели шашлык и запивали вином. Не оставляя Лину без внимания, постоянно задавали ей вопросы и следили за тем, чтобы ее тарелка и фужер не были пусты.

В разгаре веселья, Лина вдруг почувствовала недомогание. Она тихонько вышла в ванную, совмещенную с туалетом. Как только она закрыла дверь, тошнота подступила к горлу, и она на какое-то время потеряла сознание. Очнувшись на полу. В дверь стучали. «Лина-джан, открой», услышала она голос Маргарет. Посмотрев на свое бледное отражение в зеркале, Лина открыла двери. Жена начальника быстро проскользнула в двери и закрыла замок.

- Лина-джан, што случилось? Тебе плохо? – обеспокоенно спросила она.
- Да, что-то я себя неважно почувствовала, – призналась Лина
- Как ты встала, я сразу поняла. Чем тебе помочь?
- Не беспокойся, уже все хорошо. Я бы сейчас хотела незаметно уйти. А ты, пожалуйста, извинись за меня перед всеми. Неудобно получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.